

МЕРИ ЛИ

ПОВЕР — НЕ ЗНАЧИТ
СПАСЕНИЕ

ЭПОХА
ТУМАНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Туман

Мери Ли
Эпоха тумана

«Автор»

2023

Мери Ли

Эпоха тумана / Мери Ли — «Автор», 2023 — (Туман)

Я продолжаю бороться, даже когда единственное желание - сдаться, опустить руки и позволить судьбе окончательно сломать меня. Заключительная часть серии «Туман».

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	7
Глава третья	17
Глава четвертая	23
Глава пятая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мери Ли

Эпоха тумана

Глава первая

Хруст снега заставляет поднять голову.

Беримор, я узнаю этот город моментально, взорванная школа до сих пор горит, морозный ветер приносит с собой запах гари и человеческих тел, что не дождались пощады от Фиби.

Снег падает хлопьями, но я не чувствую холода, как и страха перед человеком, который медленно, шаг за шагом приближается ко мне.

Смотрю на него во все глаза и стараюсь запечатлеть в памяти всё: голубые глаза, черные волосы, уверенную походку и ауру силы, что он несёт с собой, словно зная.

Зак останавливается в метре от меня, его лицо в крови, собственно, как и черная одежда. Что меня удивляет, так это отсутствие оружия. И как он собрался убить меня? Голыми руками?

Я помню, он обещал это сделать.

А я обещала себе – бежать.

Но не двигаюсь с места. Что-то на задворках памяти приказывает мне не шевелиться и просто смотреть, наблюдать, запоминать. Пока есть такая возможность.

Стоит снежинкам упасть на лицо Закари, как они моментально окрашиваются в алый.

Красиво и жутко до безобразия.

Зак стоит и смотрит на меня, а я тем временем начинаю задыхаться. С каждым следующим вдохом кислорода вокруг меня становится всё меньше и меньше. В груди поднимается паника, но она вызвана вовсе не мужчиной передо мной, а тем, что я прячу в темном ящике памяти. Надпись на нём гласит "Не открывать!".

– Зак, – шепчу я и прижимаю ладонь к горлу.

– Всё хорошо.

Озираюсь по сторонам, но ничего не вижу, только снег. Нет больше школы, разбитого города, руин и брошенных машин.

– Не уверена, – пишу я.

– Смотри на меня, – приказывает он, и мой взгляд возвращается к его лицу. – Ты должна выжить, – по слогам произносит Зак.

Хмурюсь, не понимаю, к чему он это говорит.

Отнимаю руку от горла и протягиваю её вперед, но Закари словно отдаляется, хотя его ноги недвижимы.

Чертов ящик с пугающей надписью приоткрывается, и я позволяю ему это.

Зака здесь нет.

Его тут не может быть.

– И ты, – говорю я и опускаю руку, она безвольно свисает вдоль тела, а пальцы сжимаются в кулак.

Печальная улыбка лишь на мгновение появляется на его лице и стремительно пропадает.

– Ты должна выжить, – повторяет Зак с напором.

Осматриваюсь по сторонам, но теперь я не в Бериморе. Белая пустошь приобрела новые очертания. Это девятка.

Это всего лишь сон.

Глубоко вдыхаю и смотрю в голубые озера глаз Закари.

– Для чего? – спрашиваю я Зака, вспоминая, что случилось. – Зачем всё это?

Я так хочу заплакать, чтобы он подошел и обнял меня. Чтобы снова говорил про то, что я ему нужна. Про то, как он меня обожает. Помню ту теплоту, что испытала, когда Зак сказал это, лежа у меня на кровати.

Тогда всё было прекрасно.

Я была безумно счастлива и не думала, что в эту же ночь потеряю всё.

– Я жду тебя дома, – говорит он. – Ты не имеешь права умереть там... одна.

Всё же всхлипываю. Зак даже во сне остается собой.

– Как всегда командуешь, – шепчу я.

Ещё одна улыбка.

Как жаль, что все это не по-настоящему.

– Снова запрещаешь мне умирать, – с какой-то долей обиды говорю я.

– Только вместе со мной, – говорит Зак и подступает на шаг ко мне.

С его руки капает кровь, но я лну щекой к ладони.

– Только вместе, – твердо говорит он, проводя большим пальцем мне по щеке, рисуя алый полукруг. – Ты меня поняла?

Киваю и делаю шаг к нему. Тянусь руками, но Зак исчезает, и я оседаю на снег. Смотрю на место, где он только что стоял и ничего там не вижу.

Ни единого следа.

Ни одной капли крови.

– Я не умру, – шепчу я в пустоту. – Я обещаю тебе. Клянусь, что не умру.

Глава вторая

Очнувшись во второй раз, приподнимаюсь, прикасаюсь к виску и морщусь от боли, от этого пульсация в черепной коробке становится невыносимой, и я снова падаю, ложусь на бок и подтягиваю колени к груди.

Вспоминаю сон и держусь за него как за спасательный круг. Зак жив. Пусть это глупо или недальновидно верить в сон, но я не могу противиться желанию ощущать хоть невидимое, но всё же присутствие Закари Келлера. Это делает меня сильнее, даже если я валяюсь на бетоне и мысленно скулю, как побитая собака.

Я бы заплакала, вот только слёз нет. Злость, ярость и ненависть. Этот спектр чувств направлен на весь гребаный мир, на Лексу, на отца. Это действительно был он, мне не причудилось. Услышав его голос, я опешила. Что он вообще тут делает? И "тут" это где? На краткий миг я решила, что спасена.

Какая наивность.

Он врезал мне по голове прикладом автомата. И какого хрена он в военной форме? Мой дед, его отец, был военным, на этом всё.

Если быть честной, я стараюсь думать только о нём. Не могу позволить мозгу переключиться на пирс, где случилось ужасное. Рэнли и Волк мертвы. И всё это из-за моего отца?

Да и не отец он мне вовсе.

Мыслей слишком много для больной головы. Прикасаюсь пальцами к волосам – засохшая кровь. Вокруг меня бетон. Серый и неприветливый, рядом с моей головой капли крови, карябаю их пальцем. Кровь засохла, я тут нахожусь слишком долго.

Адски хочу пить.

Когда я очнулась в первый раз, то стащила с головы мешок, вон он валяется у стены. Как и веревки, что связывали мне руки и ноги. Запястья немного саднит, но это такая мелочь.

Снова проваливаюсь в беспамятство и пробуждаюсь от протяжного скрипа двери. Не открываю глаза и продолжаю лежать. Получаю легкий толчок под ребра. Ногой. Кто-то проверяет жива я ещё или нет. Даже не морщусь от боли, напрягаю слух и, кроме копошащегося возле меня человека, ничего не слышу. Стараюсь никак не выдать себя, человек садится на корточки, тяжело вздыхает, словно не знает, что делать со мной.

Это не отец, не знаю откуда, но я уверена, человек возле меня мне не знаком. От него пахнет солью и потом.

Он проверяет пульс на запястье, я поднимаю веки и встречаюсь взглядом с зелеными глазами.

"Ты должна выжить".

Достаточно взрослый мужчина не успевает даже нахмуриться, молча отталкиваюсь рукой от бетонного пола и бросаюсь на него. Голова гудит, но сейчас мой единственный шанс на спасение, он сопровождается внезапностью и тем, что человек не знает, на кого напал.

Военный не успевает оттолкнуть меня, и я впиваюсь ему в шею, смыкаю челюсти и кусываю кожу. По подбородку стекает терпкая теплая кровь. Сжимаю зубы ещё сильнее и дергаю головой. Получаю удар под ребра и, вскрикнув, разжимаю челюсти. Мужчина отталкивает меня, и я снова падаю на пол.

– Чёртова тварь! – вскрикивает он и зажимает рану на шее.

Отползаю к стене, не сводя взгляда с мужчины, сплевываю кровь и кусок плоти. Не потрудившись стереть следы преступления с лица, улыбаюсь. Как долбанная психичка.

У меня нет причин на улыбку. Ни единой, но я не сдерживаюсь и начинаю смеяться, пока не слышу щелчок предохранителя.

– Встала!

Поднимаюсь и перестаю улыбаться. Смотрю на высокого статного военного и вижу в его глазах полнейшее недоумение. Не ожидал? А вот я уже не удивляюсь своим порывам.

– На выход, – командует он и, продолжая зажимать рану, отходит немного правее.

Медленно продвигаюсь к выходу, не сходя с места с военного. Переступаю порог и ступаю на пол в узком коридоре. По обе стороны расположены идентичные двери, в конце пролёт и лестница ведущая наверх и вниз.

– Вперед. Живее!

Мужчина толкает меня в спину, я оборачиваюсь и скалюсь как животное. Так сделал бы Волк, будь он здесь. Видели бы вы лицо мужчины в это мгновение. Он отступает на шаг назад и метит дулом мне прямо между глаз.

– Одичала что ли, – шепчет он.

– Куда ты меня ведешь? – спрашиваю я хриплым голосом.

Голова продолжает гудеть, а резкий поворот к военному стоил мне немалых сил, но страх на его лице компенсировал это с лихвой.

– На прогулку.

– Где мы?

– Тебя это не должно волновать. Барон приказал, я выполняю, а ты молча следуешь моим приказам.

Разворачиваюсь и продолжаю идти.

– Моим, это чьим? – спрашиваю я.

– Можешь называть меня Капитан.

– Капитан, Барон, а обычные имена разобрали?

– Закрой пасть!

Мне бы действительно закрыть рот, но я этого не делаю по одной простой причине. Стоит мне погрузиться в мысли, как я тут же начну ощущать страх, а он мне сейчас не поможет.

На поверхности мне будет намного проще сбежать. Не знаю куда подамся первым делом, но тут меня ничего хорошего не ожидает.

Слишком много ступеней.

Молюсь, чтобы не свалиться вниз и не свернуть себе шею, хотя после очередной волны воспоминаний о произошедшем на пирсе это уже не кажется столь ужасной идеей.

Пока мы поднимаемся по лестнице, я насчитываю ещё пять коридоров с правой стороны. И ни одного человека, но на каждом пролёте камеры видеонаблюдения. Все мигают красным. Что это значит, я не понимаю. Что за место? Очередная база? По военной форме мужчины позади меня сложно судить из каких он войск. Наконец упираюсь в последнюю дверь.

– Лицом к стене!

Повинуясь и слышу, как открывается дверь, и оттуда веет прохладой. Улица. Это хорошо. Так ведь?

– На выход!

Можно не орать, у меня и без него голова раскалывается.

Переступаю порог, и меня практически сносит сильным потоком ветра. Холодного и влажного. Глубоко вдыхаю и спрашиваю:

– Куда дальше?

– Прямо.

Думаю над тем, как отнять пистолет у Капитана. Мне с ним не справиться, а рассчитывать, что он умрет от потери крови в ближайшие пару минут тоже не приходится. Нужно было кусать сильнее.

Что делать?

Может, он ведет меня к Барону? Вот чёрт. Барон... это папа?

Иду как было велено и поглядываю по сторонам. Туман и сумрак не дают рассмотреть периметр достаточно детально, но обращаю внимание на то, что никаких деревьев поблизости нет. Тут вообще ничего нет, кроме поля с травой, которая неумолимо гнется к земле.

И куда мне бежать? Я даже примерно не знаю на каком расстоянии нахожусь от девятки.

Я обязана туда вернуться.

К нему.

Даже не допускаю мысли, что с Заком могло что-то случиться, он всемогущий, неуязвимый и бессмертный. И я должна быть такой же.

Он жив и ищет меня.

История повторяется, но вот теперь я желаю, чтобы он нашел меня как можно быстрее.

Судьба в очередной раз насмехается надо мной. Не так давно я бежала от девятки как можно дальше, теперь же тянусь туда всеми фибрами души.

Продолжаю идти, пока не наступаю на посадочную площадку для вертолетов. Узнаю её по покрытию, точно такое же было, когда мы с папой летали над горами. Напряженно оборачиваюсь на военного, но вопрос застревает у меня в глотке.

Твою ж мать!

– Это что – Статуя Свободы? – спрашиваю я, разглядывая подол громоздкого зеленого платья.

– Вперед!

Да куда мы идём? С этого острова, который расположен недалеко от Манхэттена, есть только два пути – вода и воздух.

Реальность обрушивается на меня ледяным потоком.

Мне не сбежать.

Вот теперь я действительно напрягаюсь. Доходим до края острова, и я вижу огромные волны, которые бьются о берег. Соленая вода попадает мне на лицо. Мне и вплавь отсюда не улизнуть. Глубина слишком велика, а эти волны быстрее раскроют мне череп о выступ острова, нежели отнесут к Манхэттену.

Расстояние, разделяющее меня и Зака, куда больше, чем я могла предположить.

– Пришли!

Оборачиваюсь и смотрю в глаза Капитана. Он что-то говорит уже не таким командным голосом, но из-за ветра я не могу его расслышать. Хмурюсь и подступаю на шаг.

– Отвернись, говорю! – кричит он и взмахивает пистолетом.

– Зачем? – спрашиваю я и до меня доходит. – Я добровольно пришла на свою казнь.

– Отвернись!

Если я сейчас попытаюсь отнять оружие, он пристрелит меня. Есть побегу, опять же, поймаю пулю. Даже если Капитан промахнется и только ранит меня, я всё равно умру. Выхода нет.

Поворачиваюсь к волнам и, закрыв глаза, слышу, как Гудзон с напором налегает на остров.

Я прыгну.

Так будет шанс.

Маленький, один на десять тысяч. Или на миллион.

Но не успеваю и я шага сделать, как в ночи разносится звук выстрела. Громкий одиночный хлопок оглушает.

Вскрикиваю и оборачиваюсь.

Капитан валяется, пистолет выпал из его рук. Бросаюсь к оружию и, схватив его двумя руками, направляю в темноту ночи. Из тумана выходит отец. Не могу перестать называть его так даже мысленно. На ходу он убирает пистолет, подходит к военному и сталкивает того в воды Гудзона. Я даже не слышу шлепка его тела о воду. Река пожирает Капитана моментально.

Что вообще происходит?

Не смотря на меня, папа говорит:

– Иди по левому берегу, там будет катер, тебя увезут на берег.

– Что? – переспрашиваю я.

Тело отца растворяется в тумане, и я, встряхнув головой, отправляюсь следом за ним.

– Где Лекса? – спрашиваю я, и отец возвращается так стремительно, что я отступаю на шаг назад.

Получаю от него недоуменный взгляд.

– Она была с тобой? – спрашивает он.

– Не знаю, возможно. Скорее всего.

Меня уже вовсю трясёт от холода, отец разворачивается и бегом несется обратно к Статусе Свободы. Бегу следом. Я должна убедиться, здесь сестра или нет. А после уплыву, не сожалея ни о чём.

Входим внутрь, но вроде как в другую дверь, отец оборачивается и бросает мне связку из трёх ключей. Не успеваю их поймать, они ударяются мне о грудь и падают к ногам.

– Открой дверь и запишись, – говорит папа, указывает на первую же дверь в коридоре справа и бежит дальше.

Поднимаю ключи и отпираю дверь, захожу в кабинет и хмурюсь. Стеллажи заставлены папками. Окон нет, но есть ещё две двери справа и слева. В центре кабинета стоит стол, а на нём моё спасение. Запираюсь и отправляюсь к графину с водой. Жадно пью прямо из него и обливаюсь. Ставлю графин на место и оседаю на кресло, на котором скорее всего сидит мой отец.

– Прекрати, называть его так! – вслух приказываю себе я, и чтобы не думать о случившемся, отправляюсь к папкам.

На корешках написаны цифры и числа, если подумать, то становится понятно – это даты.

По рукам проходит озноб.

Достаю первую попавшуюся папку и открываю.

О Боже!

Это досье на девушек, женщин и детей.

Фото, рост, вес, группа крови, место жительства до тумана, во время и ещё куча всевозможной информации, вплоть до родинок, перенесённых операций и шрамов на теле.

Убираю папку на место и отхожу от стеллажа, словно он ядовитый.

Какого черта тут происходит? Сюда должны были отправить девчонок и Лексу? Для чего? Тут ли Доми?

Снова бросаю взгляд на полки. Я даже не знаю, с какой начать поиски, и как я смогу понять даже если наткнусь на фото Доминика? Дети для меня все на одно лицо. Даже племянник.

Голова продолжает гудеть, а глазам становится больно.

Слишком долго я провожу в одиночестве и обыскиваю всё, что не заперто. Двери по обе стороны комнаты тоже заперты, но у меня есть ключи. Отпираю правую – спальня. Небольшая, но довольно опрятная. Слева – ванная комната. Прохожу к зеркалу и вздрагиваю от своего вида. Лицо в крови, волосы взъерошены, глаза – пусты.

Даже не умывшись, возвращаюсь в кабинет. Снова пытаюсь открыть ящики стола, они не поддаются.

Но когда меня это останавливало?

Ножа, как в прошлый раз, у меня нет. Взгляд цепляется за пистолет Капитана, который я оставила рядом с графином. Ну нет, это слишком громко. Посильнее обхватываю круглую ручку верхнего ящика и дергаю что есть силы. С четвертой попытки ящик выдвигается, и я достаю оттуда тетради, исписанные почерком воспитавшего меня человека. Хаотично просмат-

риваю ровные строчки и прислушиваюсь к тишине за порогом. Нахожу информацию о местах, в том числе и о девятке, а точнее, о пастве, которая расположена рядом. В отчете написано, что оттуда прибыло сто восемнадцать женщин и двадцать два ребенка.

О Боже!

Не лелею надежду, что они все здесь живы и здоровы. Но сейчас я с определенной ясностью понимаю одну мерзкую истину.

Мой отец – Барон.

Сомнений больше нет.

Не отец, теперь буду называть его по имени. Джери Брукс.

Как непривычно.

Тихий стук в дверь.

– Открой, – просит голос Джери.

Убираю тетради обратно в стол, закрываю ящик, ручка отваливается от него, и я просто запинываю её под стол. Отправляюсь к двери, отпираю замок, и в кабинет вваливается Джери, следом за ним идет Лекса, а на руках у неё... ребенок.

Дар речи пропал. Разглядываю сестру, она одета в серые штаны и футболку, на ногах белая обувь с закрытым носом и пяткой, волосы чистые и уложены в низкий хвост, на запястье ядовито-розовая бирка. Мальчик на её руках спит, приоткрыв рот, облачен он в обычную детскую одежду. Синяя пижама со звездным небом.

Я хотела кричать на Лексу, но вся злость улетучилась, стоило мне увидеть ребенка.

– Это...

– Доми, – шепчет Лекса и подходит ко мне, обнимаю её и ребенка.

Шок постепенно сходит, и я позволяю себе протяжный выдох.

– Я тебя прибить хотела, – говорю я.

– Прости, – шепчет Лекса. – Я не могла по-другому.

Отстраняюсь и спрашиваю:

– Как Пьер взял тебя с собой?

– Он не брал. Мы действительно увиделись с ним перед тем, как он должен был уехать, я просто забралась в багажник, а потом, на пирсе вылезла. Алекс, я должна была, – сестра так трогательно смотрит на мальчика в её руках и с щемящей болью в голосе продолжает. – Я же говорила, что он жив. Ты ведь так и не поговорила с мистером Келлером, а я больше не могла наслаждаться благами жизни, зная, что моего мальчика могут обижать... а мамы нет рядом.

Уму непостижимо. Она сделала это. Моя маленькая сестра нашла своего ребенка на другом краю страны.

– Его не обижали, – говорит Джери.

Поворачиваюсь к нему.

– Барон... значит, – со злостью произношу я.

Внутри поднимается такой ураган ярости, что я с трудом заставляю себя держаться в рамках. Как он мог?!

– Так было нужно, – говорит Джери, стараясь не смотреть на меня.

– Кому? Тебе? – спрашиваю я и подступаю на шаг к нему.

У меня миллион вопросов к этому мужчине, но всё равно смотря на него, я вижу – своего отца, который безумно любил меня когда-то. Как он мог бросить меня? Как он посмел стать Бароном и совершать ужаснейшие вещи? С его приказа тысячи девушек были изнасилованы, множество детей остались без родителей. Да его душа плавает в крови тех, кто погиб, добывая ему людей.

– Ты собираешь по миру женщин и детей. Для чего?

– Это тебя не касается, – говорит он, и меня срывает с тормозов.

Смех раздирает меня на части. Истеричный и пропитанный болью.

– Не касается? – спрашиваю я, чувствую такое отторжение от человека, воспитавшего меня, что начинает тошнить.

– Прекратите, – просит Лекса.

Подступаю к Джери и смотрю на него снизу вверх.

– Барон меня очень даже касается, знаешь, что я чуть не умерла из-за твоих людей? Ты послал их по мою душу!

– Я не знал, что это ты украла...

– Украла? Да ты с ума сошел! Я спасала Лексу и Доми. Ты уже познакомился со своим внуком? Так вот его отняли от матери и увезли черт знает куда. А ты знаешь, что твои люди делали с Лексой?

Оставляю время для паузы и с такой ненавистью смотрю на Джери, что могу убить одним лишь взглядом.

– Они привезли её сюда, и если бы ты не помешала, я бы уже давно нашел её.

Джери смотрит на меня без грамма эмоций на лице. Словно всё, что он делает, это норма.

– Они изнасиловали её. По твоей вине. По твоему приказу.

Лицо Джери теряет все краски. Он переводит взгляд на Лексу, та в свою очередь твёрдо смотрит на отца. В её взгляде нет страха или паники от воспоминаний. Она словно приняла случившееся как данность прожитой жизни. Как факт.

– Не знал? – спрашиваю я. – Твою маленькую дочь насиловали с твоего же позволения.

– Алекс, прекрати, – просит Лекса, но я уже не могу остановиться. – Он всё услышал и с первого раза.

– Ты сломал жизнь не только мне, но и ей. Удобно устроился в новом мире? Никогда не думала, что ты станешь сутенером своих дочерей.

Получаю настолько звонкую пощечину, что отступаю на три шага влево.

– Прости, – говорит Джери и морщится, будто это я его ударила. – Я не должен был...

– Ничтожество, – бросаю я и поворачиваюсь к Лексе. – Идём отсюда.

Сестра кивает, но голос Джери останавливает нас.

– Только одна из вас сможет уехать.

Оборачиваюсь.

По спине пробегает озноб.

– Почему? – спрашивает Лекса и сильнее прижимает Доми к груди.

– Я заплатил только за одно место на катере, и Лекса уже в базе. Если она пропадет, то они отправятся на поиски. Её анализы будут у них уже завтра к обеду. Доминика можно вывезти, дети из третьего отсека не несут ценности для корпорации, а вот девушки... важны.

Что он несёт?

– Кто они? – спрашиваю я. – Что за корпорация?

– Люди, с которыми лучше не конфликтовать.

– Меня в базе не было? – спрашиваю я.

Джери отрицательно качает головой.

– Почему?

– Ты нужна была для показательной сцены. Люди на материке стали терять веру в... Барона. Я должен был наказать девчонку, которая покусилась на Святых Матерей, чтобы остальным было неповадно.

Киваю сама себе и возвращаю взгляд на Джери.

– Барон, святые матери, вся эта чушь про веру и фанатиков... выдумка? Для корпорации?

Джери кивает.

– Папа, зачем всё это? – спрашивает Лекса.

– Друзья твоего деда, военные, предложили мне "работу" через семь часов после прихода тумана. Они сделали это только ради памяти Крейга, который был неотъемлемой частью

корпорации, ещё задолго до вашего рождения. Я должен был придумать план, как получать нужных для них людей, с минимальными затратами, взамен я получаю защиту, обеспечение и место для моей семьи. Но вы так и не попали к Минчу, он должен был перевезти вас в безопасное место, а дальше я бы отправил вас в Мексику. Там уже огородили несколько городов и они живут практически так, как это было до тумана.

– Ты искал нас? – спрашивает Лекса.

– Я трижды бал в Дрим-Сити. И поехал бы снова, но я не располагаю достаточной свободой, чтобы покидать остров, когда мне заблагорассудится.

Всего на мгновение мне приходит в голову мысль, что отсюда должна уехать я. Джери перевезет Лексу в Мексику. Он не оставит её тут. Но стоит мне посмотреть на малыша, уснувшего на руках матери, как я понимаю – выбор очевиден.

Чёрт!

Подступаю к Лексе, протягиваю руку и провожу пальцами по крошечной детской ладошке, лежащей у неё на плече. Доминик подрос, боже как давно я видела его в последний раз.

Встречаюсь взглядом с Лексой, но обращаюсь к Джери:

– Ты сможешь поменять нас с ней местами?

– Камеры подчищу, но вот с анализами могут быть проблемы, до них мне не добраться. Но...

Дальше я уже не слушаю. Анализы. В крови Лексы вакцина, если останется она, то её ждет заключение на Острове Свободы до конца её дней. В моей же крови, возможно, лекарства уже и не осталось. Лейзенберг говорил, что T001 и T002 во мне с каждым днем становятся всё меньше и меньше.

Если уеду я, то Доминик больше не увидит свою маму, которая прошла через ад, лишь бы вернуть сына.

Мысленно прошу у Зака прощения, но обещаю, я выкарабкаюсь отсюда. Мне это будет сделать проще, чем Лексе с ребенком на руках.

Вглядываюсь в лицо сестры и шепчу ей:

– Ты поедешь к Закари и скажешь ему, что я жива и со мной всё в порядке.

– Алекс, – пищит Лекса, – Я видела, как в него стреляли. Он...

– Он жив! Я это знаю.

Лекса отрицательно качает головой и смотрит на меня не менее твердо и уверенно.

– Прости, но нет. Я останусь, а ты забереешь Доми и...

– Лекс, заткнись, – говорю я, обнимаю её и Доми за один раз. Шепчу ей на ухо. – Ты это сделала, ты нашла своего сына, когда весь мир был против. Ты поступила как самая лучшая мать на свете, но от твоего решения погибли люди, будь добра, доберись до Зака и расскажи, где я. Поверь мне, он жив.

– Алекс, я...

– Не оставляй больше Доминика, он заслужил куда лучшей жизни, чем у него была.

Лекса кивает, и я отступаю от неё.

– Боюсь, мистер Келлер убьёт меня ещё на подходе к базе, – шепчет Лекса.

– Нет, – уверенно говорю я. – Скажи ему... насколько ты ценна и уникальна.

В глазах сестры появляется понимание, и я киваю ей с таким видом, словно ничего не боюсь и у меня есть куча планов по возвращению домой.

– Пора, – говорит Джери.

Оборачиваюсь к нему и прошу:

– Пусть твои люди отвезут её туда, откуда притащили сюда.

– Я могу переправить её в Мексику...

Лекса перебивает отца.

– Нет. Папа, я не поеду в Мексику.

Джери кивает, и я возвращаю внимание на сестру.

– Я люблю тебя, – шепчет Лекса, и сжимает мою ладонь.

– И я тебя тоже, – отвечаю ей и отворачиваюсь, чтобы она не успела увидеть в моих глазах слезы.

Через два удара сердца я остаюсь в кабинете одна. Сажусь на пол и не чувствую сил даже на то, чтобы подняться.

Лекса, боже, она действительно это сделала, она нашла сына. Как бы я не хотела повесить на неё смерть Рэнли и волка, я не могу. Сколько людей погубили мои решения? А я продолжала идти напролом к цели – спасти сестру. Неудивительно, что она делала то же самое ради Доминика.

Рэнли, воспоминания о нём ужасны. Как он бежал, чтобы спасти, предупредить меня, и как погиб, делая это. С ресниц начинают капать слезы, утираю их, но на сухом месте моментально появляются новые. Вспоминаю, когда впервые увидела его, он был под стражей, сидел в тюрьме и напевал песни. Улыбаюсь сквозь слезы, и следующий всхлип становится более громким, чем мне хотелось бы. Рэнли, насколько он был красив, настолько же он был и уникален. Его юмор – это отдельная история, он мог рассмешить любого, а ещё он всегда говорил правду. То, как он был добр ко мне. Хотя я ничем не заслужила его хорошего отношения.

Рэнли был мне братом, о котором я всегда мечтала.

Волк, я даже не могу вспоминать о нём. Не могу.

Мой верный друг, который бросился спасать Рэнли... умер. Если задуматься, то кроме меня, только Рэнли брал заботу о нём. Рэнли был первым, с кем Волк пошел без меня, и он же был последним, кого тот пытался спасти.

Приказываю себе перестать думать о них. Это слишком больно и эмоционально. Я же должна быть собранной и внимательной.

Джери нет слишком долго. На протяжении нескольких часов я сижу на полу его кабинета. Сижу и проклинаяю. Как я его обожала и как сейчас ненавижу.

Все же он приходит и запирает дверь изнутри.

– Я всё сделал, – говорит он и кладет рядом со мной вещи, идентичные тем, в которых была Лекса.

– Она уплыла?

– Да. И просила передать тебе, что сделает всё, о чем ты просила.

Она расскажет Заку о вакцине в её крови, и тогда он поймет, что я снова солгала ему, но эта информация обеспечит Лексе жизнь на девятке. Лейзенберг будет прыгать от счастья.

Зак придёт за мной.

Даже если поймет, что я солгала, он не оставит меня. Никогда больше не оставит.

Поднимаю взгляд на Джери и спрашиваю, прежде чем обдумываю вопрос.

– Почему ты не приехал за нами? Когда всё только началось, ты со своими ресурсами мог это сделать. У тебя ведь даже есть свой самолет, вертолет, яхта.

Джери отводит от меня взгляд. Да уж, я даже не представляю, как выгляжу сейчас, но знаю, что у меня все лицо в крови.

– Тогда я не мог. Поэтому позвонил Лексе и сказал куда идти.

Печальный смешок вылетает из меня, а плечи обреченно опускаются.

– Ты хоть был там? Ты был в городах, когда пришел туман? Если бы Лекса пошла одна, то умерла бы. Ты не думал о том, что твоя дочь больна и не может жить без лекарств? Ты оставил её в городе настолько нищем, что его не собирались эвакуировать, а просто хотели закрыть, обрекая всех незараженных на смерть?

– Я был в Дрим-Сити, – напоминает он, встречаясь со мной взглядом. – Вас там уже не было. Твоя мать...

– Мертва. Ей прострелили голову практически сразу же после рождения внука. На глазах у меня и Лексы.

– Вам нужно было добраться до Минча. И потом всё было бы нормально.

– Мы добрались. Ты ведь уверил Лексу, что он спасет нас, а он решил скормить меня своей зараженной жене.

Пару мгновений в кабинете висит тишина. Но я уверена, Джери чувствует всю злость, что копилась во мне с момента, когда он меня бросил.

– Чего ты от меня хочешь? – спрашивает он. Джери обводит рукой вокруг себя и продолжает. – Все, что я здесь делал, было только для того, чтобы приблизиться к власти. И когда я нашел бы вас, то смог бы обеспечить ваше безопасное существование. Так поступают мужчины.

– И как успехи у настоящего мужчины?

Он молчит, и я спрашиваю:

– Нас? Ты не хотел спасти меня и маму.

– Я этого не говорил.

Мне порядком надоел этот спектакль.

– Джери, прекрати изворачиваться, – устало произношу я и поднимаюсь на ноги.

Встречаюсь взглядом с "папой", в этот раз он не отводит внимание от меня.

– Ты всё знаешь.

– Не всё. Только то, что я тебе не дочь.

Пара ударов сердца, и следом его слова, в которые я почему-то не верю.

– Я бы хотел, чтобы всё было по-другому.

Не хотел бы. Я всё равно не представляю, как можно отвернуться от ребенка, который прожил с тобой пятнадцать лет. Это выше моего понимания.

– Что со мной будет?

– Отведу тебя в отсек, где была Лекса, нужно занять её место. Это жилая часть лаборатории. Иногда будут приходить брать кровь.

– Для чего?

– Это тебе знать не нужно. Да и я толком не знаю. Всё, что я должен делать, так это вербовать людей на материке и следить за Капитаном. Теперь нового искать нужно.

Даже не хочу знать, почему и для чего он убил старого. Чтобы спасти меня? Возможно. Но одного неудавшегося спасения недостаточно, чтобы залечить все раны, нанесенные им.

– Великий Барон, все это выдумка, – шепчу я. – Как легко люди повелись на это. Я ведь тоже поверила, что фанатики, всё, что касается их, правда. А их просто используют.

– Да.

– Для того, чтобы...

– Чтобы здесь появлялись девушки и женщины, способные на рождение детей. Сама суть остаётся правдивой.

Ни черта подобного.

– А дети? – спрашиваю я.

– Их исследуют. Дети, рожденные после прихода тумана, другие.

– И насилие...

– Здесь никто никого не насилует!

– А там? За стенами Статуи Свободы? Ты не представляешь, как твои люди пытаются женщин, они их уродуют, если те не раздвигают ноги по доброй воле.

– Я об этом не знал. Я их даже не видел сам. Только светился иногда на материке. Одевайся, приводи себя в порядок, у тебя будет час на сон. Скоро рассвет.

– А потом?

– Придут ученые.

Так себе ответ. Не спрашивая разрешения отправляюсь в ванную, скидываю с себя грязные вещи и забираюсь в душевую кабину. За пять минут смываю с себя всё, что только можно, выбираюсь, облачаюсь в серую одежду, кое-как заплетаю косу, морщась при каждом движении рук и выхожу из ванной в кабинет. Джери стоит у стола и смотрит на ящик, который я вскрыла.

– Ты лазила в моих вещах?

– Осматривалась, – бросаю взгляд на пистолет. – Его я могу взять?

– Нет. Ты туда не пронесешь ничего, где есть металл.

Поднимаю взгляд на Джери и спрашиваю:

– Ты не поможешь мне сбежать отсюда? Позже, когда Лекса будет в безопасности.

– Это невозможно.

– Джери, которого знала я, никогда не пасовал перед трудностями.

Передо мной стоит блёклая тень мужчины, которого я восхваляла больше любого божества.

– Не называй меня так, – просит он.

– Мистер Брукс?

Сжимает челюсти и кивает на дверь.

Выхожу за пределы кабинета и тихо спрашиваю, смотря на очередную камеру в коридоре.

– Где все люди?

– Тут всё автоматизированно. Военные в другой части здания, ученые в противоположной.

– А пленные?

– Сейчас увидишь. И, пожалуйста, води себя нормально. Не привлекай внимания, мне нужно время на удаление видео с действующих камер и замены карточки Лексы.

Выходим на улицу и огибаем Статую Свободы по правому краю, входим в другую дверь, вот тут нас встречает охрана. Они не останавливают нас, но один из вооружённых мужчин говорит, что это в последний раз, больше он Джери ничего не должен. Стараюсь не вникать в то, о чем они говорят, сейчас я лишь надеюсь, что Лекса доберется до Зака в целости и сохранности. Она видела, как в него стреляли. Дрожь проходит по рукам, и я ежусь. Вхожу в стеклянный лифт, и мы отправляемся наверх. Останавливаемся далеко не сразу, значит, мы достаточно высоко, может, в районе пупка Статуи Свободы.

Выхожу из лифта. Тишина и практически темнота окружают просторный холл с белоснежным полом. Движемся направо, магнитным ключом Джери открывает белую дверь и входит вместе со мной.

Это казарма. По-другому я не могу назвать длинный ряд двухъярусных коек. Люди занимают практически все из них, а те, что пустуют, идеально заправлены. Тут пахнет хлоркой и ещё чем-то, не могу разобрать что это за запах.

Джери доводит меня до помятой кровати, тут, видимо, спала Лекса. Джери берет мою руку и крепит на запястье бирку. Смотрю на надпись "13968". Сажусь на матрас и смотрю в удаляющуюся спину Джери, он мне даже пока не сказал. Увижу ли я его снова? Хочу ли этого? Думаю, да, я и половины не сказала из того, что хотела. Снимаю тапочки и ложусь.

Прикрываю глаза и думаю о том, что моя жизнь только начала налаживаться, и всё снова пошло под откос. Прекратится ли это когда-нибудь?

Мысленно передаю Заку, что скучаю. Я не буду говорить ему о том, что я переживаю, ведь тогда будет значить, что я потеряла веру в него.

А Закари Келлер – это единственное, во что я верю.

Только в него и ни во что больше.

Проваливаюсь в сон, желаю в очередной раз увидеть его там, но, видимо, в этот раз у Зака более важные дела, чем навестить снова пропавшую меня.

Глава третья

Не успеваю насладиться сном, как меня наглым образом выдергивают в новую пугающую реальность.

Кто-то трясет меня за плечо, моментально скидываю пелену сна и бросаюсь на нарушителя спокойствия. Даже не успеваю подумать, что делаю. Инстинкт самосохранения реагирует быстрее, чем мозг. Вместе с парнем валимся на пол между койками, хватаю его за шею и сжимаю пальцы, вдавливаю его голову в напольное покрытие. Чьи-то руки оттаскивают меня, и я вижу, что тот, от кого я защищалась, одет так же, как и я. Серая форма, белые тапки.

– Ты чего? – спрашивает парень, садясь на задницу, и отползает к стене.

Смотрит на меня как на сумасшедшую и трёт шею так интенсивно, что скоро оттуда повалит дым. На вид ему не больше тринадцати лет, светлые волосы, серые глаза и слишком бледная кожа. Она настолько светлая, что я могу рассмотреть голубые вены на его руках.

Вырываю ладонь, за которую меня по-прежнему держит какая-то женщина. Высокая и с хмурым лицом, словно я ей на ногу наступила, трижды.

– Скоро придут уроды, мы просто хотели тебя разбудить, – говорит она и помогает парню подняться.

Отступаю от них на шаг назад и упираюсь в другого человека в серой одежде. Их тут слишком много. Мужчины, женщины и подростки. Мужчины? Они-то тут что забыли? От фанатиков я не слышала ни о каких мужчинах. Да и их тут значительно меньше, чем женщин.

– Ты вообще кто? – спрашивает женщина. – Вчера тут была блондинка.

– Я видел, как ту увели и привели эту, – поддакивает кто-то из толпы.

– Ага, и я тоже видела.

– И я не спала, когда мужик их поменял местами.

Они все смотрят на меня. И что я должна им сказать? Выложить всю историю от моего рождения и до вчера? Мирового запаса попкорна не хватит, выслушать даже половину моих скитаний.

– Вам-то какое дело? – спрашиваю я.

– Мы тут все заодно, – говорит парень, которого я пыталась придушить. – Я – Марк.

Он протягивает мне руку для рукопожатия, кошусь на неё, но решаю не наживать себе врагов раньше времени.

– Лекса, – представляюсь именем сестры, ведь в карточке будет её имя, не моё.

Пожимаю руку Марка и быстро возвращаю конечность себе.

– Вас с той девчонкой поменяли что ли? – спрашивает Марк.

Женщина шикает на него и переводит на меня взгляд карих глаз. В её темных волосах видны белые пряди, она не настолько взрослая, чтобы иметь такое количество седины.

– Может, блондинку утилизировали, а эта из новеньких. Так ведь? – спрашивает она у меня. – Ты новенькая?

– Да.

Женщина кивает и дарит мне взгляд, полный сожаления.

– Я – Тата, расскажу тебе, как тут обстоят дела.

Женщина садится на мою кровать, я не располагаюсь рядом с ней, но вся превращаюсь в слух. Информация будет явно полезной. Я об этой дыре ничего не знаю, а она, видимо, пожила тут достаточно, и из-за того, что она разговаривает со мной, а остальные – нет, можно предположить, что Тата тут кто-то вроде главной, уважаемой или нечто подобное.

– Итак, мы находимся под "защитой", – на последнем слове Тата рисует воздушные кавычки, – правительства. Мы живём здесь, пока нужны им. Этого никто не скрывает. Если ты пошла добровольцем за паствой Барона, то тебя ждёт разочарование, всё это миф. Если тебя

схватили где-то на улицах мертвых городов, то, возможно, тебе ещё и повезло. Каждый день в восемь утра приходят ученые, они берут у всех анализы, кого-то забирают с собой. Иногда приводят обратно, иногда нет.

– Что происходит с теми, кого не приводят?

– Никто не знает, но мы пару раз слышали об утилизации.

Не самое приятное слово из тех, что я могла бы услышать.

– А куда водят остальных – тех, кого потом все же не утилизируют?

Женщина обводит взглядом толпу, они, черт возьми, никуда не расходятся и разглядывают меня как диловинку, Тата снова смотрит на меня.

– Они тут опыты проводят. Понимаешь? Над людьми, те, у кого нужные им показатели не возвращаются. Тех, у кого обычные, они заражают вирусом. Кого-то в большей степени, кого-то в меньшей. Кто остаётся в строю, а таких немного, снова оказываются здесь. Если ты беременна, то пока тебя трогать не будут. Таких экземпляров они берегут особенно тщательно. Не обольщайся на их хорошее отношение к тебе, всё это показное, у них стоит цель, и они не щадят никого.

– То есть, ясности никакой нет.

– Нет. Но любое неповиновение грозит тем, что тебя уведут и больше не вернут. Или расправятся прямо здесь.

Может, оно и к лучшему. Нет, я обещала Заку выжить и на этот раз сдержу слово.

– Что тут делают мужчины? – спрашиваю я.

Тата хмурится и говорит тихо, так что мне приходится наклониться к ней.

– Они не знают как сюда попали. Говорят, что всегда были здесь. Они даже не знают, что такое кофе, машина, аттракционы, да и вообще о жизни ничего не знают. Как дети.

– Как это?

Тата пожимает плечами.

– Мы думаем, что им стирают память.

– Это же бред.

Тата обводит рукой вокруг себя.

– Всё это чистой воды бред. И мы в нём существуем. Кто-то дольше, кто-то меньше.

И то верно.

Люди начинают шushукаться и быстро, но максимально бесшумно расходятся в стороны, как я понимаю, они останавливаются у своих кроватей с правой стороны. Один у изножья, второй – там, где лежит подушка.

Делаю так же и кошусь на Марка. Он подносит палец к губам и показывает мне тихо.

Выглядываю из-за кровати и вижу целую процессию ученых. Это точно они. Около двадцати мужчин и женщин в идеально отутюженных белых халатах, и столь же белых брюках идут с противоположной стороны. Джери привел меня не оттуда. Бросаю взгляд на дверь, из которой пришла я – эвакуационный выход.

Ученые проходят мимо кроватей, и девушка, идущая первой, называет номера. Громко и четко. Когда процессия минует мою койку, я протяжно выдыхаю. Не отвожу взгляда от своей бирки и чувствую себя клейменной коровой. В общей сложности ученые собирают позади себя двенадцать человек, называют номер тринадцатого, но никто не выходит. Процессия останавливается практически в конце коридора, возле эвакуационного выхода. Девушка с недовольным лицом, снова смотрит в планшет и повторяет.

– Тысяча тридцать семь.

Тишина давит. На мгновение на лице стервы в белом халате появляется мимолетная улыбка. Предвкушение.

– Тысяча тридцать семь!

Кто-то выталкивает парня в проход, он с ужасом смотрит на женщину-ученого. Ему около восемнадцати, может, немногим больше.

– Ещё не время, – шепчет он. – Я обычный.

Девушка медленно идёт к нему, цоканье её каблуков как удары о барабаны смерти.

Тук-тук.

Тук-тук.

Она останавливается возле парня, перехватывает планшет одной рукой, другую отправляет в карман и достаёт оттуда какой-то синий предмет. Пульт? Шокер? Отсюда мне не рассмотреть, я так же не вижу лица девушки, только её идеально ровную осанку и широко разведенные плечи. Парень перед ней садится на колени и складывает руки в мольбе.

– Пожалуйста...

Он продолжает что-то бубнить, но девушка уже не слушает его. Она делает элегантный круг вокруг своей оси и говорит достаточно громко, чтобы услышал каждый в длинном помещении.

– Неповиновение. Мы обсуждали это два дня назад. Вы все знаете, чем это заканчивается, и всё равно противитесь. Ваша жизнь ценна только в пределах этого здания. За ним – вы ничтожество. Не более этого. Мы спасаем вас, кормим, предоставляем кров, и вы отвечаете нам таким хамским поведением?

Парень протягивает руку к девушке. Он такой худой, что его рука, толщиной не больше ноги Доминика.

Девушка наводит синий предмет на голову парня, и она взрывается.

Вскрикиваю и тут же зажимаю рот ладонью.

Бум и всё.

Громкий шлепок, а следом звук падающего тела и ошметков, летящих от него.

Какого хрена?!

Девушка не обращает внимания на мозги, стекающие с её халата, разворачивается и идет дальше. Называет ещё один номер, и говорит, что тот будет заменой испорченного материала.

Я же во все глаза смотрю на тело, из которого, кажется, вытекает вся кровь. Слышу, как кого-то тошнит. Кто-то плачет. Процессия идет обратно, на лица "материала" либо ужас, либо безразличие.

Куда я попала?!

Девушка останавливается и что-то разглядывает в планшете.

– У нас новенькая, – говорит она.

От процессии отлепляется мужчина с усами и называет мой номер.

С ужасом выхожу из-за кровати. Сейчас они утащат меня. Чёрт.

Мужчина достаёт фотоаппарат, наводит его на меня и щелкает.

– Анализы ещё не готовы, – говорит Стерва и кивает мне в сторону, откуда я вышла.

С бешено колотящимся сердцем возвращаюсь назад и снова выглядываю из-за кровати. Наблюдаю, как убийца подходит к стене. Там даже ручек нет. Только сканер. И, видимо, он проверяет сетчатку глаза или же вообще лицо девушки.

Пара мгновений, стена отъезжает в сторону, и там я вижу точно такой же коридор с кроватями по две стороны. И люди. Слишком много людей.

Дверь закрывается, сажусь на кровать и хватаюсь руками за голову. Тут же морщусь от боли в виске и убираю руки.

Кошусь в сторону тела и содрогаюсь.

Одно я уяснила – злить Стерву не надо.

Что за хрень у неё в кармане? Об этом я узнаю у Таты, а пока всем нужно время, чтобы прийти в себя после кровавого спектакля.

Проходит час, ещё один, и ещё.

Тело никто не убирает. Нас не кормят, не выводят в туалет.

Встаю и заглядываю на верхний ярус, надо мной спит парень, которого я пыталась придушить. Марк лежит и смотрит в потолок.

– И что дальше? Кто-нибудь уберет тело или оно так и будет тут лежать? – спрашиваю я.

– Скоро принесут мешки.

– И уберут.

– Нет. Убирать будем мы. Только после этого откроют доступ к еде. Но мы поели вчера, так что...

– А это ещё что за доступ?

Марк спрыгивает с кровати и говорит мне:

– Идём, покажу.

Следую за ним, стараясь не смотреть на тело, да и на несколько луж рвоты. В помещении практически идеальная тишина. Фиби бы сюда, она бы в два счёта шороху тут навела.

Доходим до двери, за которой скрылись люди в белом. Тут не сразу начинаются кровати. Свободное пространство у двух стен.

– Тут, – показывает Марк на стену справа, – откроют окно и будут выдавать нам по порции на целый день. В конце дня перед отбоем окно откроется ещё раз, туда мы будем сдавать всё, что осталось, посуду объедки, которых практически не остается. На другой стороне, – продолжает Марк оборачиваясь. – Что-то вроде душа.

– Общий? – спрашиваю я, вспоминая восьмерку.

– Очень общий. Он работает раз в три дня. Там же мы берем сменную одежду, эту оставляем.

– А туалет?

– А это, – говорит Марк краснея, – в другой стороне.

Проходим обратно. Тут можно накачать ноги, пока ходишь с одной стороны в другую.

Дверь туалета находится рядом с эвакуационным выходом. Вхожу внутрь и тут же практически врезаюсь в девушку, огибаю её и закрываюсь в самой первой кабинке. Туалет тут тоже общий, я слышу как кто-то тужится, словно рожает. А я, поверьте, знаю, о чем говорю. Невольно вспоминаю Герду, она скорее всего рада, что я снова исчезла с её радаров. Интересно, назвала ли она дочь в честь меня?

Мою руки в раковине. Зеркал тут нет. Да и не хочу я видеть своё лицо.

Когда Джери говорил про металл, то он не преувеличивал. Тут нет ничего металлического. Нигде.

Выхожу из туалета, Марк так и стоит у двери.

– Мог не ждать.

– Да я что-то это. Так.

Когда до нашей кровати остаётся около двух метров, парадная дверь открывается, и нам закидывают черные пакеты и ещё что-то. Не собираюсь вдаваться в подробности и ложусь. Пару раз проваливаюсь в сон, просыпаюсь оттого, что Марк свесил голову и смотрит на меня.

– Что? – спрашиваю я.

– Как ты можешь спокойно спать, когда тут... труп под боком?

Мне не впервой.

– Он же труп, – отвечаю я, не сводя взгляда с парня.

Марк хмурится и свешивается ещё ниже.

– Не понял.

– Его нам следует бояться меньше всего, – поясняю я.

Если честно, то я не хочу с ним разговаривать или объяснять такие банальные вещи, но беседа помогает не думать о доме, который я оставила не по своей воле. О людях, которых я больше никогда не увижу, и о Волке. Боюсь расклеиться.

Марк хмурит брови и кивает.

– Но это мерзко.

Безусловно, но убирать тело я не собираюсь.

Снова закрываю глаза и в очередной раз просыпаюсь от чувства голода. Уже отбой, все спят, не знаю, можно ли вставать после отбоя, но всё же иду в туалет и пью воду из-под крана.

Возвращаюсь к кровати и думаю о том, что ела в последний раз на свадьбе у Нео и Мэйси. Когда это было? Два дня назад?

Ворочаюсь, и не могу уснуть. Желудок урчит. Я очень голодна.

Да к черту все это! Чего я в своей жизни только не делала.

Поднимаюсь и расталкиваю Марка. Его сонные глаза находят моё лицо в полумраке.

– Мне нужна помощь, – шепчу я.

– Сейчас?

– Да. Я есть хочу. Пошли, уберем беднягу с прохода.

Марк моментально просыпается и отрицательно качает головой.

– Я не смогу.

– Поверь, ты сможешь куда больше, чем думаешь.

Он более интенсивно качает головой.

Трус.

Конечно, он ел вчера.

Разворачиваюсь и иду к мешкам. Да тут и ведро даже есть, тряпки, совок и желтые по локоть перчатки. Пять пар. Для меня одной будет многовато. Никто не вызывается мне помочь. Как только откроют кормёжку, хрен кого к ней пушу.

Разматываю пакеты, беру ведро и иду в туалет. Наполняю до половины водой и возвращаюсь. Стараюсь не думать, что куски, разбросанные по полу, – это человек. Передо мной стоит задача, и я должна её выполнить.

Мне необходима еда. Если что-то пойдет не так, я должна быть в силах постоять за себя.

Вспоминаю слова Зака про цель и мечты. Мечтают только идиоты, а вот цель – другое дело. Ставлю перед собой небольшую, но весомую цель. Убрать тело и поесть.

Собираю тряпкой останки, что-то уже прилипло к полу, иногда попадаются косточки черепа, разлетевшегося по приказу Стервы. Скидываю все это в мешок. Подхожу к телу и, смотря на него, не испытываю ничего, кроме жалости. Он просто боялся. Страх – это хорошо, чаще всего он спасает, но не в этот раз.

Раскладываю мешок рядом с беднягой, перекидываю его ноги, потом тяну за руки, но проклятый мешок отодвигается и мне не удаётся положить его. Чертыхаясь, снова раскладываю мешок и тут вижу чьи-то ноги в белых тапочках. Поднимаю взгляд на Тату, она молча кивает и начинает помогать мне, вместе укладываем тело, накрываем его другим мешком и перематываем скотчем. Перекусываю клейкую ленту зубами и поднимаюсь в полный рост. Слышу щелчок, а потом луч света в конце помещения.

Желудок продолжает нещадно урчать, перешагиваю тело и иду на свет. Дохожу до окна, и оттуда мне подадут бумажный пакет. Стараюсь заглянуть в столовую, но отверстие закрывается так быстро, что, кроме света и чьих-то рук, я ничего не успеваю разглядеть. Отправляюсь в туалет, скидываю перчатки, мою руки и ополаскиваю лицо. Беру пакет и возвращаюсь к кровати.

Добытчица.

Внутри пакета нахожу приготовленные на пару овощи, что-то вроде стейка и три кусочка хлеба. Съедаю ровно половину, поднимаюсь и направляюсь к кровати Таты, ставлю у её ног пакет и ухожу обратно.

– Лекса?

Сначала я не понимаю, что это обращение направлено на меня. Оборачиваюсь, Тата садится на кровать и подзывает меня рукой.

– Теперь тебе придётся всегда это делать.

– С чего это вдруг?

– Теперь все знают, что тебе это под силу.

Киваю и собираюсь уходить, но всё же задаю вопрос:

– Как ученый смогла взорвать его голову?

– У всех у нас под кожей на затылке есть маленькая капсула, это как ошейник, ведь попытайся мы сбежать, то взорвемся, как только покинем стены Статуи Свободы.

На сегодня информации достаточно.

– Спасибо, что помогла, – говорю я Тате и отправляюсь к себе.

Стоит голове коснуться подушки, как меня моментально манит сон. Но прежде чем погрузиться в дремоту, я успеваю услышать голос Зака, он говорит, что я молодец и должна продолжать в том же духе. Сомневаюсь, что это он мне сказал, скорее всего мой мозг, более здоровая его часть приобрела голос, и он принадлежит вовсе не мне.

Глава четвертая

На следующее утро я не обнаруживаю тело, которое я так тщательно заворачивала в черные пакеты. Как только открываю глаза, сразу же выглядываю в проход между кроватями. Пустота. Кто-то унёс его ночью, а я даже не заметила, уснула настолько крепко, что не услышала шагов, возни и шуршания полиэтилена. Не знаю чем оправдать себя, потерей бдительности или банальной усталостью, но нужно прекращать всё это. Не могу позволить себе спать без задних ног в месте, которое кишит незнакомыми людьми. Мало ли что может быть у них в головах. Удивляюсь, как они вообще не сошли с ума, находясь здесь так долго. Я бы тронулась.

День начинается обычно. Это если судить по рассказу Таты. Сажу на кровати и смотрю по сторонам, мои соседи уже проснулись, заправляют тонкими одеялами ещё более тонкие матрасы. Задумываюсь над тем, для чего они вообще это делают? Смысла в этом не больше, чем во мне счастья в данный момент. Наблюдаю за отработанными движениями поселенцев, они поправляют уголки одеял так, чтобы всё было идеально. Я же даже не потрудилась накинуть покрывало на кровать.

Продолжаю более детальное исследование помещения. Ничего примечательного, кроме камер, которых я вчера не заметила. Ими усыпано всё. Каждый угол просматривается. Не удивлюсь, если в туалете и душевой они тоже имеются. В новом мире все позабыли о правах человека, даже если это право сходить по нужде. Это раньше все кричали о толерантности и терпимости. Славные были времена.

Тата подходит ко мне и садится рядом, совершенно не волнуясь о том, что я могу быть против. Говорю же, всем плевать на всех.

– Для чего они это делают? – спрашиваю я, указывая на женщину, которая уже в третий раз перестилает кровать.

– Не знаю, скорее всего причина банальна. Это единственное, что в их власти.

Заправить кровать? Если на этом их власть заканчивается, то, возможно, им нет смысла пытаться спасти себя.

– Бежать не пробовали? – спрашиваю я.

– Иногда появляются бунтари, но они живут намного меньше, чем могли бы.

Это не жизнь.

Людей держат тут словно скот. И рано или поздно придет время каждого отправиться на убой. Я не хочу быть частью этого стада.

Вспоминаю вчерашний приём пищи. Марк сказал, что всех кормят раз в день по утрам. Ну вот. Сейчас ведь утро. Где еда?

– Тата, почему вчера дали всего один паёк? Марк сказал, что всех покормят после "уборки".

– Потому что, по сути, прибирала тут только ты. Это было поощрением, остальные получают свою порцию сразу после посещения ученых.

– Ученые, – повторяю я, вспоминая Лейзенберга. Он бы вписался в их компанию. Возможно, заменил бы главную Стерву.

– Веди себя... смирно и, может, нам повезет.

Кошусь на Тату.

– Везения не бывает, тем более в моём случае.

– Просто не хочется думать, что рано или поздно мы все тут погибнем.

– Тогда нужно бежать, – снова повторяю я.

– В этом случае смерть будет стопроцентной.

Возможно, так проще? Сложить перед собой руки и ждать, когда за тебя примут решение, даже если оно самое главное в твоей жизни.

Я же не могу так поступить. Если этим людям плевать на свою жизнь, то мне есть что терять. Сейчас мне безразлично, как мы с Заком будем жить, вместе или отдельно. Буду ли я видеть Герду и их дочь. Всё это больше не имеет для меня значения, я просто хочу оказаться рядом с ним.

Я скупаю так, как никогда и ни по кому. Помню мои страдания по Джери, и даже они меркнут перед тем щемящим чувством в груди, которое я испытываю сейчас. Я хочу домой.

Тата молча сидит рядом, я дальше разговор не продолжаю. Не знаю, о чём мы ещё можем поговорить. Минуты проходят одна за одной, я уплываю на кораблике своих мыслей, но собеседница вновь подаёт признаки жизни.

– Так ты из паствы? – спрашивает меня Тата.

– В какой-то степени, – отвечаю я, вживаясь в роль Лексы.

Она действительно была из паствы, хотя и не являлась добровольным участником этого сюрра. До сих пор поражаюсь тому, что она нашла Доминика. Надеюсь, тут с ним ничего плохого не делали. Лексе осталось только добраться до девятки, и тогда она сможет выдохнуть и зажить спокойно. Она будет ценной и от этого окажется под защитой стен базы номер девять. Молюсь, чтобы с её помощью Лейзенберг смог воссоздать вакцину, и тогда Зак получил бы то, чего так желал ранее. Позже я вернусь домой, и мы все будем... жить. И я больше носа за периметр не высуну, даже если все зараженные пропадут с лица земли. Буду дома сидеть. Занятие какое-нибудь найду. Или вернусь к прошлому, буду рисовать эскизы и делать крутейшие тату.

Было бы идеально.

Добралась ли Лекса до Зака? Может, нужно было сказать ей больше, обняться дольше?

Нет. Тогда это было бы прощанием. А я не готова с ней попрощаться. Я сделала ради неё столько ужасного, многим людям перешла дорогу. Где-то глубоко в душе принимаю решение – дальше Лекса сама за себя. Я больше не могу оберегать её как мама. Я всего лишь сестра, которая выдохлась и безумно устала.

Возвращаюсь в настоящее время, пока я витала в мыслях, все уже закончили застилать проклятые кровати, теперь все стоят возле них и ждут прихода Стервы со своей свитой.

Если честно, меня больше всего поражает то, что люди, окружающие меня, практически всегда молчат. Что нужно было сделать с ними, чтобы они умолкли и не обсуждали того, что произошло вчера? Это уму непостижимо. На их глазах застрелили человека, а они, кроме как поблевать, ничего и не сделали. Может, поэтому они и молчат? Стараются не сближаться с соседями, дабы потом не страдать? Я ведь и сама так делала. Это не помогает.

Во всём виноват страх и чувство неизвестности. Как мне объяснила Тата, они не знают того, что происходит вне этой казармы. Да, у них берут анализы, проверяют на наличие нужных ингредиентов. Ну что дальше? Что будет дальше, если моя кровь ещё не до конца очистилась от вакцины? Что они сделают со мной? Ведь у них результаты анализов не мои, а Лексы? Если и в её венах больше нет вакцины, то тогда человечество безвозвратно потеряло самый главный козырь в борьбе за выживание. Если есть, то главный козырь потеряла я.

Что из этого лучше?

И вот настал момент. Дверь открывается, и первой всё так же входит девушка. В этот раз с ней куда меньше учёных – всего лишь восемь. Стараюсь отогнать мысли о том, что никого из вчерашних экземпляров так и не вернули. Скорее всего их тела уже где-то на полпути к встрече с Капитаном.

Чувствую, что сейчас заберут меня. Пятая точка горит, так и хочется сигануть отсюда, но бежать некуда. А я уже так привыкла бегать, что нахождение на одном месте подобно суициду.

Стерва идёт по коридору и называет цифры тех, кого заберёт с собой сегодня. Их всего трое, все женщины средних лет, среднего телосложения, средней внешности, если бы я встретила их раньше на улице города или в кафе, то никогда бы не обратила внимания, но сейчас,

смотря на обреченные лица, мне становится жутко. Настолько жутко, что хочется залезть под кровать и спрятаться.

Девушка идёт дальше, заглядывает в очередной раз в планшет и произносит цифры, от которых волоски на руках становятся дыбом. Это я. Она хочет забрать сегодня меня.

Прошлый день научил меня тому, что здесь нужно выживать, так же, как и за периметром Статуи Свободы. Вот только побег тут не лучший выход, только если ты не ищешь выход из жизни. Но меня отличает от остальных то, что я тут занимаю чужое место, и в моей голове нет мини-бомбы. Хотя какой-то козырь всё же у меня имеется.

Выхожу из-за кровати и встаю последней в веренице смертниц.

Шаг за шагом отдаляюсь от кровати, всё же бросаю взгляд назад. Марк стоит в проходе, рядом с ним Тата, в их взгляде читается сожаление, они словно в унисон говорят мне: "Прощай".

Отворачиваюсь и, гордо подняв голову, продолжаю идти дальше. Не буду той, кто обмочит штаны от неизвестности. В свои девятнадцать я пережила столько дерьма, что Стерва в белом халате не наведет на меня больший ужас, чем падение из окна, потеря мамы, страх за сестру, боязнь погони Зака, смерть Рэнли и Волка. Эти ученые всего лишь люди, а как известно – человек хрупок и очень даже смертен.

Стерва всего лишь человек, и я с ней справлюсь.

Входим в следующий отсек, он идентичен нашему. Как я понимаю, место, где я провела последние часы, крайний в веренице подобных. Идём из одного помещения к другому. Стерва называет цифры, и к нам постепенно прибавляются люди в серых одеждах, но не все готовы пополнить наши ряды. Стерва в белом халате расправляется с неповиновением дважды, повторив вчерашний концерт. Я больше не вскрикиваю, но дрожь омерзения побороть не могу.

Как легко она отнимает жизни... взрывает головы налево и направо, при этом смотря жертве точно в глаза. И перед каждым нажатием кнопки на пульте смерти, всего на краткий миг, но лицо девушки становится похожим на лик сатаны. Она получает от этого наслаждение.

В итоге нас оказывается больше тридцати человек. Мужчины, женщины и подростки.

Когда мы подходим к очередной двери, Стерва оборачивается и приказывает нам отвернуться.

Делаю, как велено и, стоя к ученым спиной, рассматриваю затылки несчастных передо мной. Слышу, как очередная дверь открывается, и раздаются десятки уверенных шагов, топот приближается, и я смыкаю челюсти. Неизвестность, действительно страшна.

Краем глаза замечаю, как люди в темно-синей форме натягивают на головы экземплярам мешки, надевают наручники, а потом уводят мне за спину. Когда мешок перекрывает мне обзор, я начинаю шумно дышать через стиснутые зубы. Сердце отбивает бешеные ритмы, а над верхней губой выступает пот.

Одно дело думать, что ты храбрая, а другое – быть таковой.

На запястьях смыкаются наручники, и, к сожалению, в этот раз их закрывает не Зак. Они не сделают мне поблажки за красивые глаза. Им от меня нужно нечто другое.

Сжимаю пальцы в кулаки, одеревеневшее тело поворачивают и слегка подталкивают в спину. Кто-то берет меня под локоть и ведет вперед. Снизу мешка видно, что этот кто-то мужчина в синей военной форме.

Идём достаточно далеко, напольное покрытие не меняется, и я даже примерно не могу определить, в какую сторону мы движемся. Останавливаемся, пару мгновений ничего не происходит, а потом пол под ногами начинает двигаться, слегка вздрагивает, и мы едем куда-то. Лифт.

Останавливаемся, и как я могу предполагать, покидаем лифт. По звукам шагов можно догадаться, что нас разводят в разные стороны. Постепенно я различаю только свои шаги и военного рядом со мной. Мы остались одни. Почему? Где остальные?

Снова останавливаемся, замечаю, как перед нами открывается обычная дверь, она не отъезжает в стороны, а распаивается. Меня вводят внутрь, хватка на руке пропадает, звуки шагов военного удаляются, а потом я слышу, как зверь закрывается.

Тишина.

Глубокая и темная.

Стараюсь успокоить дыхание. Неизвестность действительно страшит, и чем дольше я парю в прострации, тем тяжелее становится дышать.

Медленно поднимаю руки к лицу, хочу скинуть вонючий мешок, но меня останавливает мужское:

– Нет.

Опускаю руки. Я тут не одна.

Около тридцати минут, а может, и трех, я не слышу ничего. Напряжение уже скребется на подкорке черепа. Даже не могу ровно стоять, тело неумолимо начинает пошатываться из стороны в сторону. Само по себе. Приказываю ему прекратить, но оно не повинует.

Слышу перед собой шаги и напрягаюсь. Благодаря щели снизу вижу черные мужские ботинки, начищенные до блеска, и белые брюки, как и у тех, кто приходил за нами. Очередная ученая крыса.

Легкое касание теплых пальцев к моей руке заставляет вздрогнуть. Рука плавно поднимается, поглаживая мою искусанную конечность, а другая резко сдергивает мешок.

Сначала меня слепит яркость комнаты. Вскидываю руки в защитном жесте, проморгавшись, убираю их от лица.

Мужчина больше не держит меня, но разглядывает с явным интересом.

Ему не больше сорока, светло-русые волосы зачесаны назад, будто он собрался сниматься в порно восьмидесятых. Бледно-голубые глаза, идеальные черты лица, ему бы в рекламу о какой-нибудь туалетной бумаге или зубной пасте.

– Здравствуй, Лекса, – говорит он и улыбается.

Мерзко улыбается.

Твердо смотрю ему в глаза. Он первым отводит взгляд и поворачивается ко мне спиной. Если бы не развешанные всюду камеры, я бы уже набросилась на него, перекинула руки через голову и душила бы изо всех сил.

Кажется, я становлюсь кровожадной, а чего они хотят от людей, загнанных в угол?

– Я доктор Пол Эшли, – говорит он, проходя к креслу в центре комнаты.

Осматриваюсь и теряюсь в догадках, что я тут делаю. Это не лаборатория, тут нет скальпелей, пробирок и медперсонала. Я словно очутилась на приеме у... психолога. Стены окрашены в нежно-персиковый цвет, больше тут нет ничего, кроме коричневого кожаного кресла и дивана. Рядом с креслом стоит трехногий маленький стол, а на нём лежит открытая папка. Вижу там своё фото и пару строчек, но с такого расстояния мне не прочитать корявый почерк доктора Пола Эшли.

На этом всё.

– Присаживайся, мы пока побеседуем с тобой. Скоро принесут результаты твоих анализов, и мы решим, что нам делать дальше.

Медленно иду к дивану, оборачиваюсь на дверь – она стеклянная, за пределами просторный холл и такие же стеклянные двери вдалеке.

– Не бойся, – мягко говорит Пол, оборачиваюсь, улыбка озаряет его лицо, и он добавляет. – Ты ведь не боишься, что я кусаюсь?

Чего?

Привет тебе от Капитана, он бы поведал, как Я кусаюсь.

Сажусь на край дивана и во все глаза смотрю на Пола. Он мутный тип. По-другому я его описать не смогу. Влажные взгляды, ублюдская прическа и улыбка маньяка. Он постоянно облизывает губы, и от этого они блестят, словно их намазали блеском.

– Лекса, я бы хотел поговорить с тобой и понять, как тебе нравится у нас.

Смотрю на него во все глаза и не понимаю, о чём он говорит.

– Вы это серьезно? – напряженно спрашиваю я.

Пол легко взмахивает рукой, словно отгоняет назойливую муху, и его неестественная улыбка слегка подрагивает. Он снова облизывает губы и слегка склоняется вперед.

– Можно на ты, – говорит он. – Мы будем проводить достаточно много времени вместе, и поэтому я хочу избежать формальностей. Так как тебе у нас?

– Неприятно.

– Почему?

Задавая вопрос, Пол скользит взглядом мне по ногам и задерживается между ними куда дольше, чем я бы позволила, не будь на мне наручников.

– Потому что я хочу на свободу.

Очередная улыбка. Он поднимает взгляд всё так же медленно и противно.

– Ты и так на Свободе.

Он меня раздражает.

– А ещё хочу собеседника с нормальным чувством юмора, – твёрдо смотря ему в глаза, говорю я.

Уголки губ слегка вздрагивают, но улыбка не покидает насиженного места.

Как у него щеки не болят?

В дверь стучат, и тут же открывают её. Она не заперта? Вы серьезно? Конечно, о каком побеге может идти речь, если у меня в голове взрывчатка.

– Пол! – восклицает вошедший мужчина. – Это удивительно! Посмотри.

Не замечая меня, сорокалетний мужчина проносится к креслу и что-то рассказывает на научном языке. Со стороны двери, точнее, прямо за ней происходит что-то... из ряда вон выходящее. Крики, выстрел.

Мужчины в комнате замирают, а я, наоборот, подаюсь ближе к двери, но за стеклом ничего не видно, словно происшествие происходит прямо рядом с нами, за стеной.

– Что там? – спрашивает Пол у вновь прибывшего.

– Это экземпляры Келлера, снова бушуют.

Стоит мне услышать знакомую фамилию, как я соскакиваю с места и подступаю к креслу. В руках Пола моментально появляется пульт, подобный тому, что я видела у Стервы, он направляет его на меня и выгибает бровь дугой.

– Что вы сейчас сказали? – спрашиваю я.

Не успеваю расслышать ответа, как крики за пределами кабинета заставляют меня обернуться.

По ту сторону стекла двое в синей форме под руки тащат мужчину. На мгновение... всего на одну жалкую секунду мне удастся увидеть его профиль. И я узнаю его. Это Зак. Не верю своим глазам и бросаюсь к стеклянной преграде, распаиваю её и наблюдаю, как дверь лифта закрывается. Успеваю увидеть избитого Зака, в момент, когда дверь закрывается, он поднимает голову, и я встречаюсь с ним взглядом.

Меня словно прошибает током. Делаю шаг к нему, передо мной появляется Пол.

– Лекса, прошу тебя вернуться в кабинет, иначе, мне придётся применить силу.

Словно под гипнозом возвращаюсь, не обращая внимания на лужу крови на полу и валяющиеся гильзы рядом с ней.

И вот я снова сижу на диване, а мозг старается вернуть картинку, которую я видела недавно. Это действительно Зак, я бы его ни с кем не перепутала. Его тоже привезли сюда? Он жив, и это главное, теперь нужно как-то найти его.

В ушах стоит гул, и я не сразу слышу голос Пола, пока он не присаживается передо мной.

– Правила, – говорит он.

– Что?

– Правила. Их всего два. Первое, ты беспрекословно и моментально слушаешь меня. Второе, отвечаешь правдиво на все вопросы.

Киваю, желая прекратить встречу с ним как можно быстрее. Нужно как-то найти Джери, может, он знает, где именно держат Зака. Я даже не предполагала, что он может оказаться здесь же. В одном здании со мной.

– А теперь о твоих анализах. Мы такого прежде не видели и нам нужно будет провести пару небольших опытов, поэтому ты переезжаешь в номер люкс. Сейчас мы пройдем к лаборатории, там нас уже будут ожидать лучшие умы человечества...

Пол Эшли продолжает говорить, а я все не могу избавиться от лица Зака. Может, мне всё же почудилось это? Мозг настолько заиклен на нём, что я...

В кабинет снова врывается мужчина, уже во второй раз он перебивает себялюбивого Пола, но сейчас он испуган.

– Он вырвался!

Доктора не успевают больше ничего сказать или сделать. Дверь распаивается так, что ударяется о стену, удивляюсь, что она не разбилась. И на пороге я вижу Зака.

Это точно он!

Его лицо в крови, практически как из моего сна.

– Зак, – шепчу я.

– Где она?! – кричит он.

В его руке пистолет, он не раздумывая стреляет в недавно вошедшего мужчину, тот даже вскрикнуть не успевает. Зак наводит пистолет на Пола и спрашивает:

– Где она?

– У себя...

– Ты, за мной!

Он даже не посмотрел в мою сторону.

Пол не спорит и не противоречит, поднимается с кресла, переступает тело ученого и подходит к Заку. Зак наконец-то обращает внимание на меня, переводит взгляд на мои руки, поднимает льдистые глаза и говорит:

– Идём.

Он пришёл за мной? Кто такая "она"? Что, блин, происходит?

Не думая ни о чём, поднимаюсь с места и иду следом за Заком и Полом, которого тот, словно щит, выставил перед собой.

Выходим из комнаты и тут же встречаем больше десятка людей в синем.

Всё происходит слишком быстро. Выстрелы оглушают. Падаю на пол. Гильзы валятся и звонко отскакивают от пола, а потом наступает тишина. Сквозь остаточный шум слышу голос Пола.

– Не трогайте её! Она нам подходит!

Открываю глаза и натываюсь на лицо Зака. Он лежит на спине, его тело буквально изрешетили пулями.

– Нет!

Подползаю к нему и прикасаюсь к щеке. Но понимаю, он уже не дышит.

– Нет! Только вместе, ты же сам об этом говорил, – шепчу я.

Меня начинают оттаскивать, но я цепляюсь за Зака, тяну его за футболку и только сейчас понимаю, что он одет так же, как и я.

Они и его схватили!

Кричу и брыкаюсь, всё же мне удастся вернуться к телу Зака, но я больше не трогаю его. Протягиваю руку к месту на животе. К шраму от зашитого мною ранения. На том месте кожа чиста. Шрама нет.

Что происходит?

Очередной сон?

Я ничего не понимаю, прикасаюсь руками к своему лицу. Это не сон.

Меня снова хватают и заламывают двое, хотя в этот раз я не сопротивляюсь. Во все глаза смотрю на место, где должен быть шрам. Его не может не быть!

Я не сплю, уверена в этом.

Лейзенберг создал вакцину, но...

Мысль я закончить не успеваю. Легкий укол в шею, и я оседаю в руках чужаков.

Глава пятая

На протяжении своей жизни Лекса не знала лишений. С самого рождения и до развода родителей её жизнь была – приторной сладкой ватой. Живя в полной семье, в достатке, в одном из самых дорогих городов мира, единственное, что могло испортить её настроение, так это неподходящий к случаю фасон платья или же невыполненные домашние задания по биологии. По большей части её проблемы, какие бы они ни были, решала старшая сестра, на которую Лекса всегда хотела быть похожей, но судьба распорядилась так, что Лекса оказалась полной противоположностью Алекс. Она была нежной и ранимой, в тот момент когда Алекс встречалась с невзгодами лицом к лицу. Алекс всегда была в центре внимания и щедро делилась им с младшей сестрой. Одни подружки, одни друзья, одни и те же вечеринки. Если кто-то позволял себе хотя бы грубое слово в адрес Лексы, то неминуемо встречался со вздорной старшей сестрой, которая могла и кулаки в ход пустить.

Всё бы и продолжалось так, но потом их семья распалась, и младшая сестра была раздавлена случившимся, возможно, даже больше, чем старшая. Она днями ходила по пустому огромному дому и не находила там успокоения. Особняк Брукс стал лишь напоминанием о былой жизни, а пустота и тишина стен давили на малышку Лексу с утроенной силой. Значимость друзей, учебы, веселья и достатка словно померкла в глазах Лексы. Для чего всё это, если самый дорогой для тебя человек исчез?

Лекса постоянно звонила сестре и пыталась наладить былые отношения, но Алекс отвернулась от неё и крайне редко отвечала на назойливые звонки, а когда позволяла себе брать трубку, то её ответы были короткими и холодными. Она словно винила Лексу за выбор отца.

Лекса внутренне страдала и ей не с кем было поделиться своей болью. Ведь единственный человек, который всегда понимал её и поддерживал, стал недоступен.

За время, пока сестры не воссоединились, Лекса изменилась до неузнаваемости, она стала скрытной, улыбалась, лишь когда приезжала к маме и сестре. Там она старалась казаться такой же, как и раньше. Она думала, что Алекс простит её за выбор отца и они снова станут близки. Этого не происходило, а секрет неверности матери всё только портил. И в один из дней потерянный подросток решил прекратить всё это. К счастью, трагедии удалось избежать из-за череды случайностей. Отец прибыл домой раньше времени и спас свою единственную дочь от фатального решения.

Младшая Брукс стала неуравновешенна. Она рыдала ночами, а на утро натягивала на лицо милую улыбку, словно могла спрятаться за ней. Отец замечал это, но дочь не шла на разговоры с ним. Несколько раз она пыталась уговорить его на честный разговор с Алекс, но тот был непреклонен.

И так страдали две девушки от выбора своих родителей. Это бы продолжалось и дальше, но мир изменился, и на руинах павшей цивилизации у них появился шанс на понимание и прощение былых обид. Но кто же знал, что к старым скелетам в шкафу будут добавляться новые?

Лекса стала посещать психологов, но доктора не помогали, она не могла довериться ни одному из них. В глубине души она считала свою потерю не столь серьезной, чтобы прощаться с жизнью, но больше не было сил терпеть одиночество и нести внутри себя тайну о появлении на свет Александрии.

Всего одному из десятков психологов удалось достучаться до Лексы, она не расспрашивала девушку, а просто разговаривала с ней и постепенно начала вытаскивать потерявшегося в своих переживаниях подростка на поверхность. Но стоило Лексе сделать глоток чистого воздуха, как пришел туман. Он снова повернул жизнь Лексы на сто восемьдесят градусов. За короткий промежуток времени она потеряла надежду увидеть отца, оплакала погибшую

маму, простилась с парнем, в которого думала, что влюблена. Узнала о беременности, родила и попала в паству Барона. Пережила насилие, смерть и возрождение. И практически в каждый из этих моментов сестра была рядом и брала на свои плечи непосильную ношу под названием "Проблемы Лексы".

Всё вышеперечисленное было настолько тяжелым, что Лекса стала снова задумываться о том, чтобы покинуть этот мир. Несколько раз она всерьёз размышляла об этом. Но её останавливали две мысли. Два устремления. Она знала, что её ребенок жив, и она должна его найти. Вторая же мысль – Алекс никогда бы не сдалась.

Эти две мантры и вели Лексу до самой Статуи Свободы. Но попала она туда ужаснейшим образом. Лекса долго думала, как же ей найти сына, куда его могли забрать и что с ним делают там, где нет рядом мамы. Она засыпала с этими мыслями и просыпалась с ними же. Порой думала, что начинает сходить с ума. Ей чудилось, что она слышит плач Доминика, а сны не давали ей покоя, в них она постоянно переживала момент, когда маленького, ещё питающегося грудным молоком малыша отнимали из её рук. Проснувшись, она думала, как должна была поступить в тот день. Эти мысли съедали её, оставляя после себя обглоданный скелет.

После того как Лекса попала на девятку, её мысли стали более мрачными. Она ждала пробуждения сестры и обдумывала десятки вариантов того, как будет искать сына.

На одной из прогулок по базе номер девять, когда Алекс ещё боролась за право существовать в мире после прихода тумана, Лекса встретила молодого парня по имени Пьер. Уже сейчас она не вспомнит, с чего вообще начался их разговор, но она сразу же поняла, что понравилась молодому человеку. Уже позже, на очередной случайной встрече с ним она узнала, что Пьер работает на Закари Келлера и не просто работает в периметре, он покидает его и владеет куда большей информацией, нежели Лекса смогла бы разузнать самостоятельно.

Лекса начала общаться с ним по двум причинам. Первая – его осведомленность о Бароне, которого, как оказалось, отслеживает глава девятки. Вторая – Пьер был на удивление милым. Он так смотрел на Лексу, что порой она думала о возможности попытаться создать с ним что-то более глобальное, нежели обычные прогулки и пара поцелуев под луной. Пьер был первым, не считая сестры, кому Лекса рассказала о том, что с ней произошло в пастве Барона, она рассказала ему о Доминике. Все эти пазлы жизни Лексы не спугнули парня, и в один из дней он рассказал ей, что в день свадьбы одного из приближенных к Закари Келлеру, Пьер и его команда отправляются на пирс и приведут всех причастных к шайке Барона. Пьер уверял Лексу, что Закари найдет ублюдка и поможет отыскать Доминика. Пьер до ужаса верил во всемогущего Закари Келлера. А вот Лекса перестала в него верить.

Она десятки раз просила Алекса помочь ей в поисках Доми и поговорить с мистером Келлером, но в итоге этого не произошло. По крайней мере сестра молчала. И Лекса решила взять судьбу сына в свои руки. Ведь кто, как ни мама, сможет спасти своё дитя? Лекса поняла, что пора уже становиться сильной не только физически, но и морально.

Благодаря вакцине, силы восемнадцатилетней Лексы стали феноменальными. Сначала ей было очень сложно совладать с ними и эмоциями, которые стали в разы сильнее привычных. Долгими и упорными тренировками Лекса всё же научилась прятать эмоции за бронированной дверью своего мысленного подвала. Она смогла обуздать ярость, печаль, боль, словно накинула на их шеи лассо, забросила их в глубину подсознания и закрыла дверь на засов. Но она знала, стоит только приоткрыть подвал, как на неё обрушится всё, чего она так страшилась.

Пока эмоции под контролем, Лекса – обычная девушка.

Эмоции на воле, и Лекса – зверь, жаждущий крови.

Прошло так много времени с пропажи Доми, что Лекса боялась опоздать. Но материнское сердце чувствовало – Доминик жив.

В тот день Лекса не собиралась приходить к Алекс в новый дом, но не смогла просто так исчезнуть, она хотела увидеть свою сестру. Попрощаться с ней, хоть и мысленно, поблагодарить за всё и попросить прощения, пусть этого сестра так и не услышит.

А после она отправилась в комнату, прибрала вещи, написала короткую записку и отправилась к Пьеру. Он ждал её у выезда из города. Они немного поговорили, Лекса сама поцеловала его и пожелала скорейшего возвращения. А потом ушла. Так думал Пьер. Пока он проводил итоговый инструктаж команды, Лекса влезла в один из багажников машины и притаилась. До пирса они добрались быстро. Наверное, этот день был самым важным в жизни Лексы, она впервые взяла ответственность за себя и сына. И она не боялась. Они либо найдут Доминика, либо погибнет, делая это.

Жить в неведении она больше не могла.

Через тридцать минут после того как машины остановились, началась стрельба. Лекса приложила все свои силы и просто вытолкнула дверь багажника изнутри. Она уже научилась контролировать силу так, чтобы люди не подозревали, какой зверь сидит за милой мордашкой. Оружия у неё с собой не было, да и пользоваться им Лекса не умела. Сестра пыталась научить её, но ничего путного из этого не вышло.

Выбравшись из багажника, она попала в ад. Вокруг машины уже лежали десятки тел. Это были и люди из команды Пьера, и последователи Барона в балахонах, а также несколько человек в синей военной форме. Но не люди оказались самым страшным. Зараженные. Десятки голодных особей бросались на людей и рвали их в клочья. Стрельба продолжалась, крики раненых давили на перепонки. Туман мешал рассмотреть расстояние дальше, чем в пятьдесят шагов, но и этого было достаточно, чтобы понять, всё пошло не по плану мистера Келлера.

Секунды растянулись в минуты. Лекса не могла понять, куда ей идти, с какой стороны разносятся выстрелы своих, а с какой тех, кто ей нужен.

Бой продолжался, выстрелов становилось меньше, она пошла ближе к воде и увидела перед собой монстра. Он разрывал тело Пьера и поедал его прямо у неё на глазах. Зараженный услышал шаги и обернулся. Из пасти капала кровь, он принялся, встал на ноги и пошел к ней. Удивительно, но и тогда Лекса не была напугана, она слишком сильно заперла дверь эмоциями. Она стояла и ждала зверя, разгоняя другого внутри себя. Она была готова драться, хотя слабо понимала, как это будет выглядеть. Когда мохнатая морда приблизилась к её лицу, Лекса сжала кулаки, но зараженный, обнюхав девушку, рванул прочь от пирса. Лекса стояла и смотрела на Пьера, и горькая слеза скатилась по её щеке. Она подошла к останкам и начала искать рацию, чтобы передать на девятку новость о случившемся. Возможно, на пирсе ещё останутся люди, которых можно будет спасти. Жаль, но Пьер в их число не входил. Лекса нашла черный аппарат, он был раздавлен так, что она увидела провода. Мысленно попрощавшись с Пьером, девушка поднялась, и тут началась новая волна выстрелов.

И тогда она обернулась, чтобы увидеть мистера Келлера. Лекса не ожидала, что он тоже тут будет, Пьер об этом не говорил.

Она наблюдала, как глава девятки перебежал от одного укрытия в другое, а потом его просто расстреляли из автоматной очереди, тогда Лексу и схватили, она успела заметить мужчину, бегущего мимо мистера Келлера, орудуя двумя небольшими топорами, он рубил зараженных и людей.

Обернувшись к мужчине, схватившему ее за руку, Лекса была несказанно удивлена увидеть человека из паствы. Тот, кто по словам Фиби, единственный остался в живых, он смотрел на Лексу во все глаза, а потом прокричал людям Барона прочесать местность, и найти остальных пропавших святых матерей. Лекса не сопротивлялась, когда её оглушили и перекинули на плечо, за достаточно быстрый промежуток времени на небольшой яхте её доставили на корабль, воткнули иглу в шею, а в следующий раз она открыла глаза уже будучи на Статуе Свободы, но она этого ещё не знала.

Она сразу же поняла, что с ней что-то сделали, Лекса нащупала на затылке шишку, на пальцах обнаружила кровь, а потом всё стало происходить достаточно быстро. Лексу, как и ещё нескольких девушек загнали в душ, после переодели, увели в какую-то лабораторию, взяли кучу анализов, опросили об имени, фамилии и возрасте, а после расформировали по огромным помещениям, в которых уже "спали" десятки людей. Лексу оставили и ушли, сказав, что до утра она может отдыхать.

Когда военный в синей форме ушел, она села на кровать и решила, что её схватили не те люди. Каким образом все эти ученые относятся к Барону? Не успела Лекса развить эту мысль, как дверь с противоположной стороны открылась и туда вошел мужчина в военной форме. Она узнала его по походке. Не веря своим глазам, она поднялась с кровати и пошла ему навстречу. Это был действительно её отец, он не обнял дочь, как она думала. Схватил за руку и быстро выволок в пустой коридор, через эвакуационный выход.

Дурман от лекарств, которыми напичкали Лексу на корабле, ещё не прошел, и в какой-то момент она думала, что всё это лишь картины её воображения. С начала тумана она так надеялась, что отец спасёт их, что мозг воссоздал это и теперь дурит девушку.

В коридоре отец взял дочь за плечи и разглядывал её лицо, шепча, что этого не может быть. Тогда Лекса не знала, что её ожидает впереди и боялась очнуться от дурмана.

Отец тащил её куда-то и говорил о том, что отправит её на судне до ближайшего места, где она сможет отправиться в защищенное место. В итоге Лекса вырвала руку у отца и сказала, что никуда не пойдет, потирая виски она бормотала, что где-то у Барона её сын. И тогда с лица Джери Брукса сошли все краски. Он потащил Лексу в другую сторону и начал задавать вопросы, когда и при каких обстоятельствах пропал её ребенок. Лекса ничего не понимала в тот момент, но отвечала на десятки вопросов отца, а потом они оказались в месте, о котором Лекса до сих пор вспоминает с содроганием.

Множество детей от рождения и до двух лет лежали в каких-то колбах, они спали, скорее выглядели как мертвые. Она побежала среди этих колб и вслух молилась, чтобы сын оказался здесь. И тогда она увидела Доминика. Такого подросткового, в пижамной одежде... он лежал в закрытой колбе с опущенными веками, длинные темные ресницы отбрасывали тень на его щеки. Лекса осела на пол и зажала рот ладонями. В её груди начала подниматься такая злость, о существовании которой до этого момента она даже не подозревала. Джери открыл колбу, и что-то вколол ребенку в ногу, а потом Лекса взяла Доминика на руки, и они снова побежали. Преодолев улицу, снова вошли в здание и практически сразу же очутились в кабинете, где Лекса увидела Алекса.

Но и эта встреча была столь стремительной, что Лекса даже не успела обдумать всё как следует. Алекс снова взяла на себя ответственность и спасла сестру, отдав ей своё место на яхте.

Лекса смотрела на сестру, такую побитую и уставшую, но невероятно собранную. Она слушала, как Алекс отчитывает отца и тогда поняла, что Барон – это Джери Брукс. Злость толкала дверь подвала, но Лекса удерживала щеколды, как могла.

В голове Лексы начала складываться ужасающая картина. Большую часть своих несчастий сестры пережили из-за её отца. Возможно, его устремления и были направлены на их спасение, но их двоих всегда спасала только Алекс. Отец потерпел неудачу. И в тот момент Лекса смотрела на него с пугающим безразличием, а перед её глазами мелькали руки, которые отнимали Доминика, а потом и мужские касания, она словно слышала треск одежды на своём теле, а потом следовало насилие, после которого Лекса не могла и думать о подобной близости с мужчиной. И всё это из-за отца.

После тирады Алекс, сестры обнялись, и Лекса пообещала добраться до девятки и найти мистера Келлера. На тот момент самым главным для сестер было одно – спасти Доминика.

Попрощавшись, Лекса, Доми и Джери Брукс покинули кабинет. Лекса прогнала набегающие слезы, она была уверена, что ещё увидит сестру. И чем быстрее она попадёт на девятку,

тем скорее это произойдет. Как только троица вышла из здания, отец остановил Лексу, навел её на лицо, какой-то синий прибор и попросил развернуться, встать спиной к нему. Когда руки отца начали шарить в волосах Лексы, она поняла, он убирает чужеродное тело. Небольшой порез и всё было готово. Они отправились к маленькой яхте, и Лекса увидела на горизонте огромный корабль, именно так она и сестра попали сюда.

– Мои люди доставят тебя в нужное место, а там уже через несколько дней я перевезу тебя в Мексику, – говорил отец, смотря на свою дочь.

Руки Джери дрожали, он не мог поверить, что его маленькая девочка подверглась насилию. Он даже слабо осознавал, что у неё на руках его внук.

– Нет. Мне нужно вернуться туда, где меня схватили.

Отец подошел к Лексе и прикоснулся ладонью к щеке дочери. В этот момент они оба испытывали щемящее чувство тревоги.

– Я так долго искал тебя, что не смогу отпустить.

Лекса вглядывалась в лицо отца. Она знала его и понимала, он сейчас не отступит. Вся прелесть ситуации заключалась в том, что отец совершенно не знал свою дочь и даже не мог подумать, что она сделает в скором времени.

– Хорошо, – легко согласилась Лекса и быстро поцеловала отца в щеку, испытывая при этом неприязнь.

Она понимала, что отец не мог знать, куда заведет его "проект" и как от него пострадают родные ему люди, но это не помогало посмотреть на ситуацию под другим углом.

Возможно, обстоятельства действительно были таковыми и у него не было выбора, но сейчас он есть и отец не желает слушать дочь. Лекса не предаст Алекс и доберется до девятки, пусть даже не обнаружит там мистера Келлера, но ведь есть и другие. Нео и Рэнли, два самых влиятельных человека на базе номер девять после Закари. Они помогут.

– Позаботься об Алекс, она... не должна больше страдать, – просила Лекса.

– Я постараюсь.

– Папа, этого недостаточно. Ты должен ей. Ты ведь и сам понимаешь, что она не виновата в грехах нашей мамы. Поверь, Алекс страдала куда больше, чем может выдержать человек. Помоги ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.